Кира Бородулина

ПРИЗРАК И ЛАБИРИНТЫ

№1

Прошло всего десять дней марта, а весна шагала уверенной поступью, оставляя моря вместо снега, вязкую хлябь на прошлогодней траве и проплешины сухого асфальта. Первые дни поста, как по тонкому льду. Потом привыкаешь. Еще покаянный канон не дочитают – расслабишься. Начинается что-то другое – тягучее, непонятное, давящее. Висит в воздухе и не улетает до самой Пасхи.

Мила полюбила постовые службы. Несколько недель назад при чтении часов храм погружался в полумрак: мерцали свечи, и холодный синий свет наступающего дня лился в окна. Тишина такая, что слышно только голос чтеца и слова псалмов, которые еще недавно не понимала. Минут через сорок внимание ослабевало, мысли улетали в суету. Мила удивлялась, насколько земным человеком оказалась. Нужно ли было выходить замуж, чтобы понять?

Сейчас в храме по утрам солнце – когда открывались царские врата. А в других окнах виднелось обещание погожего дня. И душа радовалась. Так хочется весны и тепла…

Хорошо идти на работу пустыми улицами! Прохладный ветерок треплет слежавшиеся под платком волосы. Новая куртка не сковывает движений. Даже к юбкам Мила привыкла и носила их уже не только в храм.

Пока заведующая не придумала, чем ее занять, Мила читала. Мирского в пост не хотелось, и она пользовалась этим временем, чтобы вернуть задохнувшейся душе хоть какое-то движение к горнему.

- Мил, не желаешь поездить на курсы? – спросила Татьяна Владимировна.

- На какие? – Мила отложила раскрытую книгу обложкой вверх.

- Для библиотекарей.

Должно быть, жуткая нудень. Как-то листала справочник библиотекаря и чуть не уснула от тоски. На практике пишешь, что скажут, не вникаешь в кухню.

- А привилегии?

- Повышение зарплаты, разумеется, - ответила начальница, - корку дадут, будешь спецом.

Надо посоветоваться с Левой. Вряд ли ему понравится ее отсутствие в субботу, но с другой стороны, почему бы не поучиться новому, если есть возможность? Учиться Мила любила, но курсе на третьем институт отбил к этому охоту. Потом замужество, суета, пресловутая «взрослая жизнь». Хотелось буквально за уши втащить себя обратно, начать мыслить, рассуждать, чувствовать, а не протаскиваться сквозь дни, привыкая к новой жизни, дожидаясь новой себя.

- Вот родишь, и все по-другому пойдет, - говорили «знающие» люди.

Мила верила, но в том, что все пойдет лучше, сомневалась. Скорее всего, она почувствует себя заложницей. С собой-то не знаешь, как справиться, о муже толком позаботиться не можешь, а тут - крохотное беспомощное существо, которое ни на минуту не оставишь. Как-то все стремительно, слишком радикально… еще бы учиться и учиться, работу получше поискать – ведь хорошее у нее образование, она молода и ответственна, труда не боится. Пройдет года три, и образование начнет работать против. Так и просидишь в библиотеке всю жизнь. Или вовсе – домохозяйкой.

Мила перевела взгляд в окно. За полосками жалюзи бегали малыши в разноцветных курточках. Вот бы оказаться там, среди них, радуясь весне и солнышку, а не торчать в этом пыльном, бессмысленном холоде! Зря она думала, в библиотеке делать нечего, только читай. Работой буквально завалили, спина и плечи отваливались, глаза слезились. Бумажка на бумажке, а реальные читатели, редкие и вялые – утомляют. Пойдешь на эти курсы – погрязнешь еще плотнее.

* * *

На курсах, как и следовало ожидать, одни женщины - разного возраста и образования, но приблизительно одного социального статуса. Мила сразу отметила нескольких девушек ее лет или чуть старше. Все приветливы и дружелюбны, но близко она ни с кем не сошлась. Приходила, слушала лекции, кое-что записывала, а после уходила. Появлялась иногда раньше времени, что ей не нравилось, - все разбивались на группки, а она одна. Плеер слушать не хотела,

опасаясь не услышать, когда обратятся или что-то пропустить. Читать при чужих разговорах не получалось.

В пять вечера ехала на стретчинг, разминать затекшую спину. Поначалу такой расклад казался ей утомительным, но вскоре она полюбила эти часы. Уставшая после лекций, приезжала чуть раньше, покупала неизменный пирожок с капустой и черный кофе и садилась за столик небольшого кафе в вестибюле, лицом к окну. На улице не было снега, но и трава еще не начала зеленеть. Картина безрадостная, но глаза отдыхают. По стадиону ходят люди со спортивными сумками, одетые просто и комфортно.

Без пятнадцати шесть Мила нехотя выключала плеер и плелась в раздевалку. Кто бы ей лет пять назад сказал, что она будет этим заниматься! Нудная статика, боль и чувство собственной дубовости – только начало. Обещали растянуть на шпагат и поставить на мостик, но к этому Мила не стремилась. Хорошо бы просто научиться расслабляться, а то в последнее время она чувствовала себя так, будто про нее говорила Верочка в фильме «Служебный роман»: вся скукожится, в узел завяжется и чешет на работу! С такой работой и вовсе на куски развалишься прямо за письменным столом.

Зато после тренировки мышцы побаливали, каждая связочка будто звенела, а от правильного дыхания кружилась голова и смаривала усталость. Расслабляться полностью Мила пока не научилась, но, наверное, тогда будет совсем хорошо.

Домой приезжала часам к восьми. Лева находил, чем себя занять в преддверии открытия сезона. У него куча друзей и увлечений, но все чаще он охотно оставался дома.

- Не затоскуешь? Съездил бы куда-нибудь…

- Ну, затоскую, съезжу… - супруг пожимал плечами, - я тебе надоел что ли?

- Как бы я тебе не надоела…

Раньше по субботам они ездили к Левиным родителям, но в последнее время у Милы не оставалось сил на визиты. Мама, слава Богу, не лезла больше - поначалу порывалась приезжать, помогать по хозяйству. Мила, практически не способная хамить и ершиться с незнакомыми, могла быть очень жесткой с близкими. Мамины поползновения она быстро пресекла. Пока будешь на кого-то надеяться, никогда ничего не освоишь.

№2

Николай появился в Милиной жизни внезапно. Кто мог ожидать, что молодого привлекательного мужчину занесет в библиотечное дело? Впрочем, не совсем туда – он метил в администрацию. Николаю лет двадцать пять, но выглядит он старше. На занятиях Мила с ним не виделась – он в другой группе. Встретились как-то в фойе, перебросились парой фраз, потом стали здороваться, улыбаться друг другу. Он совсем не похож на Леву: высокий брюнет, стройный до субтильности, смуглый и элегантно одетый. Никогда Миле не нравились мужчины подобного сорта. Белоснежная рубашка и шлейф одеколона. Дамы от него млели. Николая это не слишком занимало, судя по поведению.

Спросил однажды Милу, куда она так спешит после занятий. Предложил подвести – он на машине.

- И что такой мужчина забыл в государственных учреждениях? – Мила прищурилась.

- Хочу быть ближе к молодежи, - улыбнулся Николай, - я ведь могу что-то для них сделать. И вы могли бы. Слышал, по образованию вы психолог? Они всегда нужны. К чему глотать пыль в библиотеке?

- Меня все устраивает, - Мила утратила интерес к людским проблемам и вряд ли сможет заставить себя выслушивать трудных подростков или благополучных девочек, страдающих амурными неразберихами.

- Жаль. Надеюсь, вы передумаете. Это обсуждаемо?

- Все обсуждаемо.

- Может, выпьем кофе и обсудим?

- Простите, я лучше потренируюсь. Не пристало замужней женщине распивать кофе с красавцами.

На мгновение Николай потерял дар речи. Мила этим воспользовалась и ускользнула, пожелав ему всего доброго.

Кофе она выпила по своему обыкновению в кафешке спортклуба. Все казалось забавным, особенно Николай, ошарашенный фактом ее замужества. Приехав домой, Мила рассказала все Леве, и они посмеялись.

- Может и правда, подумаешь над его предложением? – Лева всегда ратовал за личностный рост жены. – Тебе же интересно должно быть…

- Мне в институте интереса хватило, сейчас я хочу с пустой головой перебирать бумажки.

- Скоро тебе это надоест.

Лева прав, такая уж Милина натура – сложности подавай, вызовы.

- Засидишься и перестанешь верить в свои силы, напридумываешь себе страхов, - это прозвучало совсем зловеще.

Лева старше, наверное, знает, о чем говорит…

* * *

В библиотеке ждали очередную комиссию. Мила перебрала три стеллажа, приклеивая кармашки к книгам, выявляя фривольные картинки и отдавая женщинам на заклейку.

- А что конкретно считать фривольным? – уточнила она.

- Где целуются и голые груди, - пояснила Елена Петровна, - а если мужицкое – кровь, оружие, насилие какое-нибудь.

Среди книг на списание, которые Мила перетаскивала из холла в отведенные для них шкафы, обнаружился и «Секс в большом городе», похоже, вовсе не читаный. Прекрасное издание, твердая обложка, крупный шрифт.

- Нам этот «Секс» некуда ставить, - пояснила Елена Петровна, - заклеишь – не поймут, что за книга. А так на штраф нарываться…

- Вот кого мы все огораживаем, а? Детей что ли? – возмущалась Татьяна Владимировна.

- Дети больше нас знают!

Милу почти все здесь не возмущало, а забавляло. Похоже, маразмов нет лишь в храме, судя по рассказам сестренки. Даша летом стала петь на клиросе. У нее приятный голосок и спокойный нрав, пение получалось молитвенное, неспешное и почему-то трогательное. После службы к ней прихожане благодарили за чистоту и ясность, за проникновенность.

Раз в месяц можно взять на работе выходной – так называемый женский день. Хорошо бы вытащить сестренку погулять, посидеть в кафешке, побродить по магазинам. Быть может, убедить, что в яркой

клетчатой рубашке и более узких джинсах она будет выглядеть ничуть не гламурнее, чем в безразмерной толстовке и свободных «дизелях». И очки можно заказать в более стильной оправе, чем Дашина а-ля Гарри Поттер. Мила сама в шестнадцать лет считала унизительным заботиться о внешности. Сестра идет тем же путем, и на это больно смотреть. Оказывается, сознание собственной привлекательности может здорово поднять настроение. Что-то подсказывало, сестре сейчас несладко.

Входная дверь протяжно застонала. Мила решила, ее в очередной раз качнуло ветром, и вышла закрыть плотнее. И столкнулась с Николаем.

- Интересно у вас, однако…

Стол в коридоре завален старыми книгами, вешалка с верхней одеждой сдвинута к туалету, полы грязные, да еще запах кисло-пыльный, затхлый… откуда он взялся? Тетя Лена говорила, от книжного клея – любимого лакомства тараканов, но почему его раньше не было?

- Комиссию ждем. Вы от них?

- Боже упаси! Я так, для ознакомления. Люблю бывать в новых местах.

Не дожидаясь приглашения, он вошел в единственно возможную дверь. Тетя Лена признавалась, что реальные читатели ее утомляют. Муниципальное задание, увеличили книговыдачу, а на деле читают все меньше. Женщины опасались закрытия, но пока документы в порядке, придраться не к чему.

Николай ходил от стеллажа к стеллажу, стоял над душой Милы, пишущей карточки к недавно поступившим книгам. Татьяна Владимировна завела на него читательскую карточку, удивилась, что привело его в столь далекие края. Мила мысленно хмыкнула, услышав фамилию: Лихоманов. Каких только она тут не видела! И Баклановы, и Хреновы, и Баскаковы… Козловых и Кобелевых династии.

- А вы собственно, откуда? – насторожилась Елена Петровна.

- С курсов. Людмила меня знает.

- Что ж молчит?

- Она всегда молчит, пока пытать не начнешь.

Николай спрашивал заведующую о подростковом клубе, просил устроить ему экскурсию, познакомить с начальством.

- Подождите Ирину Алексеевну, если не спешите, - предложила тетя Лена, - я ей позвоню, и она зайдет, как только так сразу.

Лихоманов не спешил. Когда Ирина Алексеевна явилась и забрала гостя, сотрудницы напустились на Милу.

- Кто он вообще такой?

- Не знаю, - буркнула Мила, - он не докладывал. Все к сотрудничеству склоняет, и на кофе приглашает.

- Сходи, попей кофейку, может, чего узнаешь! – рассмеялась Елена Петровна. – Приятный мужчинка…

Из подросткового клуба Лихоманов в библиотеку не вернулся. И до субботы Мила его не видела.

№3

В день рождения Левы повалил снег. Да так и валил почти неделю. Потом резко потеплело, и буквально за день снег растаял. Хотелось радоваться, жить, петь, танцевать – во дни печальные великого поста.

Все-таки возраст многое меняет в человеке. Мила вряд ли верит в это сейчас, и Лева не переубеждает. Однако настроения жены его удручали. Однажды он невольно заглянул в монитор, когда она переписывалась с подругой. Мила считает, что как личность неинтересна мужу, что с такой работой она скоро совсем деградирует, а он ее и сейчас всерьез не воспринимает. И зачем только наткнулся на эти слова? Лишился покоя.

Лева пришел домой раньше Милы. Решил зайти к жене на работу и пригласить поужинать. В библиотеке одна заведующая. Леву она никогда не видела, но сразу догадалась, что он Милин муж.

- А она отпросилась, сказала, ей надо куда-то съездить…

Такого поворота Лева не ожидал.

- С ней ничего не случилось? – забеспокоился он.

- Да вроде нет. Ничего странного я не заметила.

Он вышел из библиотеки со смешанным чувством опустошения и любопытства.

Рабочий день для Милы тянулся нескончаемо. Цифры, буквы, однообразная волокита. Стоило ли пять лет учиться, чтобы взяться за работу, которую может выполнить робот? Сокурсники разъехались в

Америку, в Англию, в столицу. Многие девчонки вышли замуж на третьем курсе, а теперь взялись за карьеру. Мила не хотела ни замуж, ни карьеры – училась, потому что было интересно. А когда появился Лева, с замужеством решилось само собой.

Познакомились они при почти трагических обстоятельствах. Мила шла из института на остановку, в опасной близости от трассы, по которой мчался Левин мотоцикл. Она не видела, сколько пируэтов он сделал, налетев на грузовик – помнила только страшный лязг по асфальту и искры после каждого удара. Последнее, что она увидела – тело мотоциклиста, сбившее ее в придорожную канаву. Они кубарем катились по лесистому склону, по хлюпающей грязи, собирая ветки и чудом минуя деревья. Мила приземлилась намного удачнее Левы, который, видимо, еще при падении с байка сломал два ребра, левую ногу и вывихнул плечо. Мила подползла к мотоциклисту, сняла с него шлем. Бледное лицо, искаженное болью, светлые волосы, испуганные глаза, а в остальном – лицо как лицо, ничего примечательного. Тогда Мила об этом не думала – перед глазами плясал исковерканный мотоцикл, сыпались искры, в ушах звенел железный лязг.

- Живой? – спросила она вполголоса, не ведая, как обратиться к незнакомцу. Он выглядел так жалко, что хотелось называть его братишкой, или вовсе скатиться в сантименты.

Он кивнул. Встать не смог, хотя пытался. Мила сняла с себя куртку и, свернув, положила под его голову. Шофер грузовика не уехал. Кое-как вытащили на трассу шипящего от боли мотоциклиста, вызвали скорую. Мила поехала в больницу с новым знакомым – по его просьбе. Пока он лежал в канаве, между ними завязался диалог. Содержания его Мила не помнила. Байкер пытался улыбаться и даже шутил.

- Скажите честно, с конем все в порядке?

- На том свету встретитесь.

Ей раньше не приходилось навещать кого-либо в больнице, но оказалось, это нестрашно. Она приходила почти каждый день, приносила ему фрукты и «вредность» в виде чипсов и сухариков, а иногда пива с орешками. Поправился довольно быстро. Купил новый мотоцикл. И завертелось… кажется, все было в другой жизни. С другой Милой. Она не думала в него влюбляться. Они читали разные книги и слушали разную музыку. Схоже шутили и понимали друг

друга без слов. Мила сравнивала их отношения с покупкой обуви: есть туфли, которые едва надел, сразу понял – мои, возьму. А потом эти туфли стали удобными, как тапки.

Она и не заметила, как из приятного парня Лева превратился в лучшего друга, а потом стал не просто нужным, а необходимым. Даже сейчас, сидя в библиотеке и переписывая номера с книг на карточки, она с замиранием сердца улавливала «его» цифры: то день, то месяц, то год рождения, то номер мотоцикла… разве не помешательство?

Ей было все равно, что ждет после института – устроилась в первое попавшееся место. Сидеть дома Мила не хотела – по крайней мере, все время. Но после пяти лет напряга требовалось отдохнуть.

Мила отпросилась с работы, чтобы зайти в храм. Хотелось попасть на вечернюю службу. На прошлой неделе заведующая постоянно куда-то уезжала, и Мила успевала. Хоть на пять минут – утешение. А сейчас – нашло что-то, мерзкое, гадкое, выключающее из жизни. Мысли о Леве, о себе – новой, глупой, какой зарекалась никогда не становиться, о словах Лихоманова. О том, что ей всего двадцать три, а жизнь, кажется, расписана, решена, запрограммирована. Кто эта незнакомка в зеркале? Женщина, жена. А в магазине при покупке алкоголя спрашивают паспорт.

Мила пришла рано – до начала службы еще минут двадцать. Забилась в угол, присела на лавочку, напротив Казанской иконы. И натянулось что-то в душе, хоть волком вой. Казалось, это что-то издает протяжный звук где-то внутри, никому не слышно. И ведь нет причины, ничего не случилось. Полегчало, как перекрестилась и трижды сбиваясь, прочитала девяностый псалом.

Пришла домой около семи и удивилась, увидев мужа.

- А я думал тебя вытащить поужинать, - улыбнулся он явно через силу.

- Что ж не позвонил?

- Хотел сделать сюрприз, заходил к тебе на работу. Сказали, ты отпросилась.

- Да, - Мила кивнула, - на службе была.

Она прошла на кухню, молча стала разогревать себе суп.

- Бледненькая ты, - муж подошел к ней и коснулся ее лба, - а голова не кружится, не тошнит?

Мила покачала головой. Лева пробормотал «жаль».

О детях и думать было страшно, хотя после замужества она всячески настраивала себя на эти мысли. То ты беззаботная студентка, дочь моложавых родителей, а то сразу – жена и мать, библиотекарша… Господи! Кажется, ни с чем она не справляется, ни на что не годна. Мама, как ни сунется – все ей не нравится: то паутина висит, то в холодильнике недостаточно полно, то на окнах разводы. Хорошо, хоть Левины родичи не лезут – он взрослый мужик, сам выбрал жену, сам и мучайся.

Обыкновенно часов в девять они с Левой выходили погулять или выезжали куда-нибудь поужинать. Лева знал город вдоль и поперек, знал все кафешки и рестораны, помнил, где постное меню. Им нравилось вместе готовить, читать книги друг другу и слушать музыку, лежа на полу в окружении колонок. Нравилось мечтать или строить планы. Но не сегодня.

Мила сама не понимала, что на нее нашло: то ли женская эмоциональность, то ли крутня в пост – в любом случае, муж не поймет. Оказалось, и не нужно – Лева обнял ее и даже не бормотал ничего утешительного. Просто дождался, пока жена успокоится. Хотела что-то сказать, но губы задрожали.

В кухне сгустились сумерки, подсвеченные кроваво-медным закатом. Сквозь тишину пробивались голоса соседей и хруст ледяной корки во дворе под чьими-то сапогами.

№4

Открытие мотосезона состоялось в Лазареву субботу, как часто бывает. Лева не ехал в колонне – по его словам, для этого нужен красивый байк и броская амуниция.

- А разве у тебя не красивый? – удивлялась Мила.

- Не такой, какие там будут.

Она пошла с мужем смотреть стрит-рейсинг и мото-шоу. Сделали кучу фотографий, встретили много Левиных знакомых. Мила практически нигде с ним не появлялась, но все ее почему-то знали. Наверняка, считают ее замухрышкой и занудой. Девочки любят байкеров и на то есть причины. Конечно, Миле нравилось, что ее благоверный - расписной красавец и не лежит на диване перед телевизором в свободное время. Однако мото – не хобби, которому

посвящаешь часть времени. Это образ жизни, как многие в подростковом возрасте говорили о роке.

Как Мила замечала в первую очередь события церковной жизни, так Лева первым делом вспоминал, что запланировано на четыре месяца. В майские праздники и летом она охотно составит ему компанию. Лева все учел: когда Пасха, когда Троица, куда можно отправиться между апостольским и успенским постом, когда лучше брать отпуск, а когда можно утрясти работу без оного. Он и для Милы уже продумал все варианты, ей осталось выбрать и написать заявление.

Лева много читал в непостижимой для Милы комбинации «вдумчиво, но быстро». Выписывал цитаты, умел приплести их к случаю и помнил, какая откуда. О каждой книге у него однозначное суждение, он мог пересказать сюжет остроумно и последовательно. В друзьях у Левы в социальных сетях куча байкерш со всей России – видные, яркие девчонки. Иногда Мила смотрела их профайлы и задавалась двумя вопросами: что мешает ей стать такой же? И что Леву могло привлечь в такой, как она? Порой она завидовала девушкам, железно уверенным в своей исключительности без видимых на то причин. Казалось бы, любовь такого мужчины должна окрылять. Откуда взялось ощущение, что Мила этого не достойна, а потому ее все подавляет? Даже эти закованные в экип красотки на Сузуки и Хондах.

Не дождавшись окончания мероприятия, Мила отправилась на курсы. Все эти красотки – смеющиеся, общительные, уверенные в себе, многие старше Милы, так и стояли у нее перед глазами. И всем есть, что с Левой обсудить, есть что вспомнить. Когда ее, Милы, в его жизни еще не было.

Она остановилась на лестнице, напротив зеркального шкафа для верхней одежды. Рыже-каштановые волосы до плеч слегка растрепались, но цвет красивый, редкий. Серо-зеленые глаза, фарфоровая кожа. Стройная фигура, которой не скрывают синие джинсы, лаковые сапоги, и черная курка. Когда-то Мила услышала в фильме, что серый цвет делает невзрачную девушку еще более невзрачной и стала его избегать. Надо поярче одеваться. Весна все-таки, Праздник скоро. У Милы есть яркие красивые вещи, но почему-то, выходя из дома, она вспоминает о привычных и удобных.

- О чем задумалась? – раздался за спиной голос Николая.

Оборачиваться не требовалось – Мила увидела его в зеркале.

- О том, что я дурнушка и тупица.

- Сильно! Муж тебя не разубеждает?

- Он в моей голове не копается.

Николай задумчиво хмыкнул.

- Что, боится? Или там сам рогатый роги сломит?

Она рассмеялась, отходя от шкафа.

- Тогда позволь я выполню его работу, - не унимался Лихоманов, - ты умница и красавица!

- А ты оригинален.

После занятий Мила сидела в кофейне с Лихомановым и рассказывала о своих накрутках – именно так он их назвал. Но это не мешало ему быть хорошим слушателем: Мила давно таких не встречала, кроме Левы, разумеется. Вещать любили все, а слушать не умел почти никто.

- Видимо, ты относишься к такому типу людей, которые проживают увлекательные жизни в воображении, - предположил он.

- Но мне от этого нелегче, - призналась Мила, - порой хочется жить как нормальные люди. Не видеть в простом сложности, не создавать себе проблем.

- Были бы реальные – не создавала бы.

Она рассмеялась.

- Мне порой кажется, Леву привлекла моя молодость и желание меня защищать. Я стала примитивной, как работ. Раньше казалась себе сложной и содержательной.

Лихоманов тяжело вздохнул.

- Такой и осталась, поверь мне. Хотя, я тебя раньше не знал, но если уж ты упростилась, страшно предполагать, какой ты была. Не советую компостировать мужу мозги придуманными опасениями. Попробуй взять на себя часть забот, если скучно. Глядишь, и ему легче станет, и тебе будет чем заняться.

Красивая улыбка, ему идет. И улыбается он в отличие от Левы нередко. Миле так нравилось видеть Леву смеющимся, но почему-то он радовал ее нечасто.

- Ладно, спасибо за понимание, - Мила допила кофе, - пожалуй, я успею пошастать по магазинам. Мои тетки интересовались, что ты забыл в наших краях.

- Могу составить тебе компанию по магазинам, если это не бутики нижнего белья…

Мила усмехнулась.

- Я и сама чувствую себя там неловко. Не волнуйся, еда и шмотки.

Пока они гуляли по торговому центру, Лихоманов не сказал ничего определенного о цели своего визита в библиотеку. Все размыто, как и прежде: смотрю, учусь, хочу сделать что-то а-ля. Он умел не только слушать, но и рассказывать анекдоты. О себе говорил мало, незнакомыми людьми не грузил, сплетни не пересказывал. С ним было весело и легко.

№5

На работе только и разговоров, что о куличах. Мила себя ничем не обременяла, пока жила с родителями, но и теперь сделала все по минимуму: купила кулич и наклейки для пасхальных яиц. Послушав тетю Лену, она ужаснулась возне и не поняла, зачем это нужно, кроме соблюдения традиции. Главное в эти дни быть в храме, желательно причаститься на Пасху, а для этого нужно помолиться, сосредоточиться, подвести итоги поста. Как, если ум занят житейскими попечениями? Татьяна Владимировна чуть ли не в пять утра собралась вставать, чтобы испечь кулич.

- Вообще, это легко, - проехалась Милина мама, - пост не соблюдали, в церковь не ходили, Пасха свелась к куличам и яйцам – можно в последний день напрячься.

В Милиной семье – ни старой, ни новой - выпечка не шла, куличи засыхали или черствели, все о них забывали. Бабушка пекла булочки на все праздники – хоть новый год, хоть Пасха, хоть Троица. Но это бабушкина традиция, перенимать ее никто не собирался.

Мила удивлялась, как мама все успевала, хоть и не пекла. У нее же все валилось из рук и времени ни на что не оставалось. Причастилась в Великий Четверг, а на службу двенадцати Евангелий себя не дотащила: переписала кучу книг в библиотеке, подмела и вымыла полы, потом опять села за книги. Голова закружилась, перед

глазами поплыло. Выпила кофеина, еле досидела до конца рабочего дня и почти ощупью добралась домой. Царские часы в пятницу проспала. На вынос плащаницы после работы пришла, часок достался.

Лева исправно причащался на Рождество и Пасху - удобно, рано не вставать. Чаще у него еще не было потребности. Порой Милу коробило, а иногда она относилась к этому спокойно. У нее самой не так давно появилась потребность.

После Пасхи на многое смотришь иначе. Минули тягучие думы великого поста, в кои-то веки Мила почувствовала Пасхальную радость. На душе стало светло и мирно. Несмотря плохо проведенный пост Господь сподобил такой милости, которой она не допускала до себя раньше.

* * *

Даше нравилось бывать у Милы и Левы. Они такие веселые, счастливые, похожие. Смотришь на них и верится, что можно в этом мире найти родного человека. У Левы в запасе куча историй, смешных и грустных, дорожных и рабочих, он много читает и общается. Соскучиться с ним, пожалуй, невозможно. А Мила порой выпадала из реальности, замолкала и ни на что не реагировала. К такой ее манере все давно привыкли и не обижались. Левины родители одно время пеняли сыну, что женился на ненормальной, но должны же у розы быть шипы! Милу есть за что любить, и это очевидно. Вот и сейчас она молча заваривала чай, пока муж веселил сестру очередной басней, наворачивая салат и бутерброды. Сама Мила, памятуя об опыте прошлых постов, разговелась крайне осторожно – съешь один бутерброд, потом полдня сыт, а на желудке тяжесть. И не хотелось возвращаться к животной пище, даже запах от нее исходил какой-то тленный, тягучий…

Наболтавшись, Лева оставил сестер, перекочевав в гостиную.

- Ну что, куда пойдем? – спросила Мила.

- Не знаю. Дома торчать грех в такую погоду, но по тряпкам не хочется.

Наступила настоящая весна, зеленела трава и пели птицы – все славило воскресшего Христа. Милина задумчивость Дашу насторожила, хотя и своих дум хватало. Утром сестра получила смску

с поздравлением. От некоего Лихоманова. Даша хихикнула над фамилией и спросила, что так выбило сестру из колеи.

- Откуда у него мой номер? Да и вообще – для него это такой уж праздник? Если нет – откуда он о моих воззрениях знает?

В этом вся Мила – сто вопросов и тормозная реакция. Психологу нужен психолог.

- Мил, я хочу попробовать на регентские курсы поступить… как думаешь, что родичи скажут?

Мила закрыла холодильник, поставила на стол тарелки с нарезкой, ошарашено глядя на сестру.

- Не знаю. Ты уверена?

- Да. Я поняла, что хочу именно этим заниматься. Думаешь, начнут гнать про вышку?

- Вышка никуда не убежит, а вот если ты точно поняла… А батюшка?

- Батюшка благословил. Это в Москве. Неохота от дома отрываться, но это ж ненадолго. И недорого.

Даша всегда советы слушала, но делала все по-своему. И редко ошибалась, тщательно продумывая каждый шаг.

- Подумай хорошенько, взвесь все.

- Только этим и занимаюсь. Если что, помоги предков умастить. На крайний случай, надеюсь, сама справлюсь.

- Ну, если батюшка благословил, куда денешься!

Сестры посмеялись, переключились на другие темы, помолчали. Несколько раз порывались встать из-за стола и куда-то пойти, но почему-то сидели и сидели.

- А ты чего такая? – полюбопытствовала Даша, глядя на сестру задумчивым взглядом. – Только из-за Лихоманова?

- Сама не понимаю. Пасхальная радость не брызжет.

- С Левой что-нибудь?

- Да нет, с Левой все, слава Богу, в порядке.

- Я имею в виду ваши отношения.

Мила горько усмехнулась. Отношения как были, так и есть, но появился призрак, третий, как водится, лишний. И замаячил на задворках сознания не то чтобы часто, но...

Она любит мужа. Просто Лихоманов из несимпатичного человека превратился в приемлемого, если не сказать приятного.

Хорошо посидеть в кафе, поболтать, как с ровесником – таких вокруг в студенческое время вилось много, и почти никого Мила всерьез не воспринимала. Ее привлекали мужчины постарше, и она привлекала их. Сверстники видели в ней либо «своего парня», либо умную девчонку, с которой можно обсудить систему двойных стандартов, но на свидания приглашать заробеешь. Однако вчерашние мальчики превратились в мужчин, а некоторые в «интересных». С ними можно говорить не только о них самих, некоторых привлекает и ее личность, без известных последствий и намеков.

- Вот и на меня тоже какие-то деды западают, - усмехнулась Даша, но подробнее рассказывать сестре не стала. Та и не проявила интереса, погрузившись в свои думы.

№6

Несмотря на пылкую натуру, влюбчивостью Даша не отличалась. Ей непонятно, как лучшая подруга Валя может влюбляться пять раз в неделю и каждый раз до умопомрачения.

Вадим появился на страстной. Разумеется, не в храме. И теперь Даша поняла свою ошибку: надо было дома сидеть, в грехах сокрушаться, а не по гостям ходить. Но отказаться было невежливо. Одноклассник, влюбленный в Валю, отмечал двойной праздник: день рождения и пройденное централизованное тестирование - считай, поступление в институт.

Начитавшись, что постящийся, попадающий в гости к неверующим, не должен обременять хозяев, Даша не отказалась от мясного и позволила себе бокал вина, за что расплачивалась два последующих дня жесточайшими болями в желудке. Все заметили, что Даша сильно похудела, но поскольку хозяин был влюблен в Валю, до Даши ему дела не было. А Вадиму нашлось.

Он явно старше – возможно, уже не студент. Высокий темноволосый, одет в черное, загадочный и немногословный. Но говорил всегда впопад и остроумно. Принес много музыки, о которой молодежь понятия не имела. Даша по настоянию Вали облачилась в юбку. Почему это на парней так действует?

- Что-то я тебя раньше не видел на Артеминых праздниках, - Вадим подсел к ней.

- Мы общаемся в основном по учебе, - Даша отчаянно не хотелось произносить слово «школа» при таком взрослом и красивом парне.

- А мы познакомились в институте, куда он решил поступить, - не дожидаясь вопроса, продолжил Вадим, - я последний год доучиваюсь.

Даша улыбнулась в ответ.

- Не скучно тебе здесь? – хотелось обратиться к нему на «вы», но она буквально пересилила себя.

- Не скучнее, чем на любом празднике подобного сорта. Красивые девушки и хорошая музыка. Да и публика на редкость интеллигентная.

- Я, признаться, не очень люблю праздники, и свой день рождения не отмечаю. Что делают кроме поглощения салатов?

- Общаются, - улыбнулся Вадим, - иногда танцуют. Кстати, можно тебя пригласить?

Даша замялась.

- Вообще-то не умею танцевать…

- Там уметь нечего – топчемся на месте, медленно вращаясь, и все! – он уж встал и протягивал ей руку. Играл «Осколок льда».

То, что они были единственной танцующей парой, нисколько Вадима не тревожило. Глядя на старшего друга, Артем осмелел и пригласил Валю. Кто-то додумался выключить верхний свет и включить торшер. За «Осколком» следовал «Потерянный рай», а за ним – «Беспечный ангел». Все три песни Вадим не выпускал Дашу из объятий, что-то спрашивал, о чем-то рассказывал, в какой-то момент положил обе ее руки на свои плечи, и прижал ее к себе плотнее.

- И почему это так волнительно? – произнес Вадим.

- И тебе?

- А я, по-твоему, железный?

- Ну, явно не первый танец и не с любимой девушкой.

- Для любви нужно время и знание человека, остальное – влюбленность.

Она промолчала. Наверное, покраснела – хорошо, в комнате достаточно темно.

- А уж как волнуют поцелуи! И тоже вопрос: почему? Две биомассы с богатыми внутренними мирами обмениваются слюной – восхитительно!

Поцеловать себя она не позволила. Домой провожать тоже – они с Валей живут недалеко, сами дойдут. Им есть, что обсудить.

Разумеется, Валя подруге завидовала – что там Артем, школьник, мальчик. А тут – такой взрослый на Дашу глаз положил!

- Телефон-то попросил?

- Нет, - растерялась Даша и вдруг почувствовала, как сердце защемило от мысли, что Вадим ей не позвонит, и она его больше не увидит.

- Не беда, спрошу у Темки.

- Не вздумай! Я звонить не буду!

- Ну и зря. Если он тебе нравится…

- У меня к этому другое отношение. Если я ему нравлюсь – сам из-под земли достанет.

№7

Он позвонил в Пасхальное воскресенье, когда Даша благополучно вернулась домой от сестры.

- Помнишь меня, солнце? – приятный голос в телефоне. - Может, погуляем завтра? Погода обещает быть хорошей. Попьем чаю…

- Вполне, - Даша как раз собиралась с Милой в бассейн, все успеется.

- Ааа… Даш, а спорим, я плаваю лучше тебя?

- Охотно верю.

- Давай завтра пойдем в бассейн вместе?

- Я сестре обещала.

О том, чтобы предстать перед ним в купальнике и речи быть не может. Даша стеснялась своей нескладной фигуры и прятала ее во все длинное и свободное.

О чем они будут говорить? И разве может ему быть с ней интересно? Она – верующая девушка, а он – цивильный тип.

Спалось Даше плохо, и на уроках она была сонная, вялая, поэтому не особо нервная. Вернувшись около двух, она скинула смску сестре, попросив перенести заплыв на полпятого. Выпила новопассита

и отключила телефон. Поспала прерывисто и муторно. В бассейн немного опоздала.

- Странно, что ты сразу после школы не захотела, - прищурилась Мила, - народу меньше.

- Знаю… просто с ног валилась от усталости.

Сестра оказалась права: плавали как селедки в бочке, но вода немного привела Дашу в чувство, а движение отвлекло от заезженных мыслей. На предложение Милы прогуляться по городу или посидеть в кафе, Даша с заминкой ответила, что у нее встреча с одним человеком.

- Зовут хоть как?

- Вадим.

- О! смутьян, мятежник. Лучше б Константин…

Мила спросила, как познакомились и, узнав, что на страстной – помрачнела, как и ожидала сестра.

- Подождать с тобой? Можем кофе попить.

Даша растерялась. В эту самую минуту затрещал телефон. Вадим сообщал, что немного задержится. Когда подойдет к воротам, позвонит.

- Ну что, хочешь на него впечатление произвесть? – Мила окинула сестру оценивающим взглядом.

Даша была в синих джинсах, белых кроссовках, свободной куртке цвета хаки и со спортивным рюкзаком. Волосы завивались колечками после душа и сушки феном. В любом случае, Вадим знает, что она из бассейна, все адекватно.

Сестры зашли в дорогую кофейню неподалеку от спорткомплекса и сделали заказ.

- Как-то не верится, что ты идешь на свидание…

- А что, я, по-твоему, совсем безнадежна? – Даша ненавидела этот умильный взгляд «мой теленочек вырос».

- При чем здесь это? – Мила казалась немного ошарашенной. Просто привыкла, что ты живешь другим и круг интересов вроде парни-шмотки-косметика – не твой. Расскажи о нем! И не ври, что не хочется.

- Врать не буду – правда не хочется. Уверена, он тебе не понравится. Сама ничего не понимаю.

- Чем он тебе нравится?

- Мил, я его видела раз в жизни, откуда я знаю!

- Ой, можно и вовсе человека не видеть, а влюбиться без памяти! И не только в шестнадцать. Стоит парню улыбнуться и сказать «привет», девушка успела мысленно выйти за него замуж и придумать имена детям.

- Это ты как психолог или из личного опыта?

- Из личного и не только моего. Бывает.

- И проходит?

- Зачастую. Сложно, если из этого вырастает семья. Реальный человек оказывается другим, а жить приходится именно с ним, а не с придуманным. Так что ж нравится? – не отставала Мила.

- Голос. Руки. С ним надежно, легко.

Шесть ноль семь. Даша успела выпить кофе, но съесть ничего не смогла. Вадим не звонил.

- А если бы не позвонил, ждала бы его? – поинтересовалась Мила.

Даша кивнула. Звонок. Подъехал, ждет у ворот. Нет, она не ринется сломя голову. Она ждала – и он подождет, не развалится. Спокойно попрощалась с сестрой, надела куртку и не спеша вышла на улицу.

- Признаться, не сразу узнал тебя. Сейчас ты несколько иная…

Она ответила, что редко носит юбки, а в основном всегда выглядит так. Он тоже в джинсах, бежевой ветровке и кроссовках.

- А зря. Юбки тебе идут.

Маршрут сложился сам собой. Вадим попросил рассказать что-нибудь хорошее, а Даша ничего не припомнила. Тогда он стал рассказывать об авторе «Алисы в стране чудес», который в свободное от математики и писательства время любил фотографировать девочек в нижнем белье и вообще, был тем еще фруктом для своего времени. Потом рассказывал о развлечениях детства, неведомых Даше и ее поколению играх, о куче знакомых – как на подбор интересных ребятах. О бывших местах работы – учеба никогда ему не мешала.

В отличие от Даши он видел все на пути, со всех сторон, даже затылком. В этом доме живет мой знакомый, а тут я когда-то работал, этот фильм уже идет в кинотеатрах? Розовые джинсы – это ужасно. Красивая машина – одно время бредил накопить на такую. Даше

странно и любопытно, как можно так плотно жить в реальном мире, быть всегда здесь и сейчас.

- Какие у тебя планы после школы? – поинтересовался спутник.

- Попробую поступить на регентские курсы, - поколебавшись минуту, ответила девушка.

- Мммм… сурово. А у нас есть такие?

- В Москве.

- Ааа, я тоже пробовал поступать в Москве. Одного балла не добрал, пришлось сюда перевестись. Но может, поеду, на вторую вышку попробуюсь.

Неплохо, если будет в столице знакомый человек, взрослый, самостоятельный. А так, ничего особенного Даша к нему не чувствует. Идет рядом и идет. Сердце не клокочет. Она заметила, что его раздражают маленькие дети, которые путаются под ногами, что он пусть изредка, но поплевывает по сторонам (эта привычка бесила в отце). Заметила Даша и как он скользнул взглядом по ее груди и ногам. Поскольку они шли рядом и смотрели в одну сторону, встречаться глазами доводилось нечасто, но и этот контакт не вызвал у Даши восторга – взгляд Вадима тяжел и въедлив.

- А почему ты сказала, что свой день рождения не отмечаешь и в компании не появляешься?

- Как ты, возможно, заметил, общительностью не отличаюсь, а люди реагируют по-разному. Решила их не смущать.

- Мммм, благородно.

Он читал наизусть какие-то стихи, помнил, чей перевод. Рассказывал, на какие концерты ходил и как любит слушать музыку. Сам играет в группе и пишет песни.

Дабы отвлечься от волнения, Даша практиковалась в открытых вопросах. Они начинаются со слов «почему», «зачем», «для чего», «как получилось, что», «расскажи о». Следственный эксперимент для Милы – хорошие ли сложатся впечатления о собеседнике, умеющем слушать.

- Не вздумай задавать вопросы вроде: «как съездил?» или «что нового?» и все будет прекрасно, - наставляла сестра еще давно, – умение общаться – в умении слушать.

Даша порой переживала после обличительных речей подруги о ее неискрометности, но измениться не пыталась, интуитивно чувствуя

правоту сестры. После театральности на душе тошно, будто строишь из себя кого-то, пытаешься понравиться, прикинувшись другим человеком, а стоит ли?

И этот… «расскажи что-нибудь хорошее». Трындит, выделывается перед самкой – того требует природный долг и человеческая вежливость.

Сгустились сумерки, а маршрутки на дом все не было. Папа уже звонил. Даша чуть не свеликодушничала, но вовремя одумалась. Хотела сказать Вадиму, не жди со мной, если спешишь. Хотя, наверное, он бы не ушел.

- Мне с тобой комфортно, - сказал Вадим.

Зачет по умению слушать. Хотя, наверное, считает гением коммуникации себя.

№8

Кого Мила пытается обмануть? Ненавидит она свою работу, обрыдла эта бессмыслица. Это все, на что она способна? Сидеть в пыли, зарывшись в никому ненужных бумагах? Если бы ей показали человека, который сказал: мне нужно то, чем вы занимаетесь, делайте дальше, - она бы не роптала. Но такого человека не существовало. Это безликая система, которая рухнет рано или поздно. Совковые субботники при наличии дворника. Бестолковые бабы, указывающие, как сдвинуть шкафы, но прислать рабочих – не их компетенция. Пусть двигают пенсионерка Елена Петровна и Татьяна Владимировна с девятью грыжами на позвоночнике. Они же и линолеум перестилают: вместо старого нормального - уродливый, списанный из центральной библиотеки. Кого волнует, что при сдвигании стеллажей открываются ободранные наличники и тот же зашарканный линолеум? Зато противопожарная безопасность – словно каждый день горим, и к выходу ломятся толпы, сметая стеллажи на пути. Зеркалу и трюмо, найденному тетей Леной на помойке, в коридоре тоже не место.

- Может, нам и в туалет не ходить? – съязвила Мила.

- Если бы это было можно, они бы поставили такое условие, - ответила Елена Петровна.

А трепы на полдня? Мила зареклась сближаться с людьми. От общения не отмоешься, ничем оно не обогащает. Но уходит кто-то в отпуск, другой тетке становится скучно и давай, Милочка, чаю

попьем. Потом начинают жизни учить. Особенно если у самих не сложилась.

Лучше бы огромный и мужской коллектив, пусть сложная, но интересная и нужная работа – тогда некому к тебе лезть, да и тебе некогда об этом беспокоиться.

- Если бы я видел твою ауру, это был бы огонь! – посмеивался Лева, когда супруга налетела на него после рабочего дня.

Говорят, отношения – труд. Конечно, не без этого. Но для Милы это отдых. Тихая пристань, уютная гавань. Что бы ни происходило вовне, она знала: придя домой найдет любящего и понимающего человека, для которого и она стала таким же утешением и спасением и море житейском. Нет разницы в возрасте – бывает разница в уме.

- Ты бы гордился мной, если бы я работала по специальности, чего-то добилась бы?

- Малыш, это глупости. Я лишь хочу, чтобы тебе было хорошо, чтобы ты нашла дело по душе. И по способностям. Думаешь, приятно видеть, как ты маешься?

Мается она не только из-за работы – Даша с Лихомановым добавили проблем. И как ни страшно было рассказывать об этом Леве, она решилась.

- Видишь, польза от него все-таки есть! Он тебя растормошил, заставил поверить в свои силы, искать большего.

В какой-то момент Мила осознала, что Леве в голову не приходило ревновать ее к Лихоманову. А ведь повод есть. Трудно признаться даже себе. Но то ли муж так доверяет ей, то ли просто мысли не допускает, что она может увлечься кем-то… слава Богу. Если бы допустил – все усложнилось бы десятикратно. А такое доверие совестно подрывать. Из-за помыслов изведешься, а как доходят до дел?

Муж был для Милы не просто опорой. Лева был спутником жизни, а не хозяином или каменной стеной. Был лучшим другом и любимым человеком, ради которого оставляешь семью, друзей, старые привычки и с которым не боишься строить новую жизнь. Она не полыхала к нему страстью и не страдала от зависимости. Но, разумеется, ему в ее жизни принадлежала исключительная роль, ему принадлежала она сама, вся. Но порой Миле казалось, он хочет большего или вовсе ждал от нее другого. Чего именно она не

понимает, а он не объясняет. Когда он окрепнет в вере, все встанет на свои места. Главное, самой не свернуть и не сдрейфить.

Мила подписалась на вакансии психолога, оставила резюме на нескольких сайтах поиска работы и в одну из суббот затронула эту тему с Лихомановым.

- С детьми работать не хочешь, как я понял?

- Правильно понял. Но у тебя же все схвачено, может, еще что есть…

- Есть вакансия в комитете соцзащиты. В основном тесты – устанавливать психологическое состояние.

- Инвалидов?

- Или тех, кто выдает себя за таковых. Разные люди приходят. Некоторые пытаются купить группу.

- Надеюсь, не это надо выяснять?

- Не это! – он рассмеялся. – Но в общем и довольно интересные кадры попадаются. В основном они не наглые и жизнью не избалованные. Специфика есть, но думаю, глубоко в дефектологию лезть не придется. Кстати, это отрезвляет - посмотришь на таких людей и поймешь, какая ты счастливая.

Мила кивнула и на какое-то время замолчала. Потом стала уточнять детали: где этот комитет, далеко ли ездить, какая зарплата, рабочий график и так далее.

- Я дам тебе телефон, позвони и все узнай.

Мила стала забывать, каков женский род. На ее факультете были в основном благородные девицы. Думала, после такой школы жизни сможет работать в любом террариуме. Однако плохое скоро забывается, если его вытесняет хорошее.

Когда Елена Петровна ушла в отпуск в конце мая, Татьяна Владимировна переключилась на единственного оставшегося сотрудника. Заведет беседу на полдня – статистика не сходится, цифры путаются, Мила сбивается, переделывает все по сто раз и раздражается. То дочка заведующей позвонит, и они по телефону делают математику. Татьяна пытается нудно что-то втолковать ей, а дочка через какое-то время начинает реветь. Мила могла позволить себе надеть наушники и дальше вносить читателей в электронную базу. Возвращалась домой одуревшая от компьютера и детского рева.

Или это:

- Мила у нас каждый день наряды меняет!

Сказано язвительно. И неожиданно.

- Я думала, вы не замечаете… - ничего оригинальнее не придумала.

- Я все замечаю, но невсегда говорю.

Когда заведующая скрылась в кабинете, Мила спросила у тети Лены, что не так с ее внешним видом.

- Просто ты очень хорошо одеваешься, а мы тут сидим, как чушки, в десяти платках и валенках.

Мила осознавала, что в ее затрапезный офис хорошо одеваться необязательно. Но уже не могла иначе. Татьяне всего сорок два! Кто внушил ей, что она старуха? Не только шмотки еще можно менять, по замечанию Левиной сестры.

Лева был прав, посидит еще немного и забоится пробовать что-то еще, заявлять о себе, браться за новую работу. В какой-то момент она уже сдрейфила – плохой она психолог, не потянет работу по специальности. Так и не научилась быть проще и понимать людей.

Но дороги назад нет. Когда прибавили час работы, а зарплату урезали на пятнадцать процентов, сомнения безжалостно вымелись из возмущенного сознания. В сорок два можно бояться всего лишиться – одной, с больным ребенком на руках. Но в двадцать три, при муже и с востребованным образованием…

№9

Ирина – Левина сестра - предложила Миле поехать в соседний город. Там старинный замок, знакомый едет фотографировать.

- Это тот самый, что и рок-оперу писал, и группу собирал, теперь вот в фотографы подался.

Идея интересная, но Мила сейчас как никогда далека от старинных замков. В понедельник собеседование.

- Леве предложи, пусть проветрится, - посоветовала она. Неплохая возможность побыть одной.

Общение Милы с коллегами по цеху было единичным, и тот опыт оказался неприятным. После института она стала на биржу труда и почти сразу получила массу предложений трудоустроиться в детские сады или школы. Твердо решив, что хочет работать со

взрослыми, девушка их отклоняла. А если совсем честно, работать она тогда вовсе не желала. Однако работники центра занятости о ее решении не ведали и старались выполнить свою работу изо всех сил.

- Вам назначена консультация с психологом, - специалист назвала день и час, - явка обязательна, для вас выделили время.

Консультацию проводила тетка лет сорока пяти, полноватая, темноволосая и ничем непримечательная. Разве что интонацией, с которой отчитывала Милу как школьницу.

- Отдых расхолаживает. Вы достаточно отдохнули, и я не вижу причин, почему бы вам не пойти работать… - назывались места одно другого завлекательнее, а Милины обоснованные возражения натыкались на единственное слово: «плооооxо!»

И все в Миле для этой тетки было плооооxо. Ушла в час и до одиннадцати вечера в себя не могла прийти после беседы с психологом.

Тогда Мила внятно забоялась стать таким вот душеведом. Если ее, тренированного специалиста, выбили из колеи клеймящие запрещенные приемы - плооохо!

Как готовиться к собеседованию неясно. Мила даже набросала план, что говорить. А похвастаться нечем – не работала по специальности ни дня. Когда надоело стоять на бирже, и процедура отмечаний стала казаться унизительной, она устроилась в первое попавшееся место. Могла бы уйти – полгода и все, дольше никто не держит. Но то ли раздавило это плооохо, то ли устала отдыхать.

Собеседование прошло по Милиным ощущениям удачно – она явно понравилась. И неудивительно: спокойная, со вкусом одетая, не откручивала пуговицы и не теребила браслеты. Возможно, не выказала должной заинтересованности вакансией. Но дежурное «мы вам позвоним» прозвучало теплее, чем в случаях явного отказа.

* * *

Лева не отказался сопровождать сестру. Точнее, везти всю компанию на машине. Погода выдалась дивная, и задыхаться в железной коробке ужасно не хотелось, но что поделаешь? На мот все не влезут.

Ирин знакомый оказался высоким брюнетом. Лева удивился, зная манеру сестры западать на иностранных творческих личностей.

Оказалось, западать на Вадима она и не думала – познакомились в театральной студии, когда Ирина решила стать актрисой. Вадим еще учится, а потому ходит по всем кружкам и секциям, доступным в институте. Играет в группе то ли «Вечный поиск» то ли «Лежачий камень». Ирина охарактеризовала музыку мутной и уточнила, что дела у них идут неважно. Но личность творческая.

Лева вспомнил, что видел его раньше – когда ходил на первый и последний спектакль с участием сестры по пьесе современного автора о последних днях жизни Антуана де Сент-Экзюпери. На спектакль притащились все кому не лень, потому как актеры получали процент от продажи билетов. Парень играл хорошо. Роль то ли бродячего поэта, то ли немецкого летчика – Лева напрочь забыл. Помнил двух ребят, которые действительно достойно смотрелись в этой самодеятельности, а вот конкретно… много времени прошло.

Замок Леву несколько разочаровал – скорее походил на богатый дом в стиле, но ни высоты, ни округлых форм да и в древности постройки возникли сомнения. Однако тут Вадим уперся – материалы собирал, читал. Лева не стал напирать, но всерьез парня не воспринял – если он такой же пустомеля, как Иринка, будет брызгать слюной до последнего, с апломбом вещать, о чем не имеет понятия.

Однако сестра в восторге. Выволокла из машины рюкзак с нарядами, убежала в лес и вскоре вернулась, готовая к готичной фотосессии. Вадим извлек фотоаппарат с угрожающе огромным объективом, покопался в настройках и поплелся за Ириной к замку.

- Что-то юбка у тебя знакомая! – крикнул ей вслед Лева.

- Милина!

Ага, вспомнил. Черная, вся в оборках или как это называется. Мила была в ней на годовщине свадьбы Левиных друзей и выглядела прекрасно. Ирина, будучи ниже ростом, то и дело наступала на подол, да и шла на полусогнутых – напялила босоножки на шпильках. Когда же девчонка наконец повзрослеет?

Бродячий поэт или немецкий летчик с отсутствующим видом щелкал затвором и разве что о землю не расшибался в поисках лучшего ракурса. Когда Леве надоело наблюдать за позерством сестры, он решил осмотреть окрестности в одиночестве. Плохо, что Милы нет, устроили бы пикник вдвоем.

Жаль, не взял свой фотоаппарат – места красивые. Трава такая яркая и сочная только в мае-июне. Лес лохматенький. Скорее бы куда-нибудь выбраться на несколько дней! На фестиваль или в поход. В прошлом году они с Милой никуда не ездили – институт отвалился, хотелось отметить это событие, да и нечто вроде свадебного путешествия, а тут кража с обломом. Кто-то из своих, знал, что Лева уедет на рыбалку, а Мила будет у родителей. Вынесли не только шубу и дубленку жены, но и дорогую косметику. Лева поменял замки, но подозревать кого-то конкретно не мог. Мало того, что на две штуки баксов попал, так еще и доверие к друзьям потерял. Ехать с кем-то уже не хотел, а у Милы и вовсе настроение пропало. Лева знал, что она не стремилась к походной романтике и вряд ли ее оценит, но разумеется, поедет с ним.

Сколько ей намекали после этой кражи, что зарождающийся союз с Левой до добра не доведет! Мол, с нормальным мужиком приобретаешь, а с этим всего лишилась, бежать от такого надо. Лева слышал это краем уха или натыкался на сообщения в мониторе. И без того на душе тошно, но всегда найдутся те, кому приятно тебя добить. Он бы рад подарить Миле золотые горы, но тогда остался без гроша. На зиму купил ей простой пуховик, но утешал, что накопит и на шубу, и на дубленку.

- Лёв, ну кому это надо? Все у нас есть, сами живы и здоровы, слава Богу за все.

Конечно, она его не бросила, любимая его девочка. Но была ли она с ним счастлива хоть минуту? Казалось, лишь в начале их отношений. А потом вечно какие-то нервы – то экзамены, то выпускной, то свадьба, то биржа труда, то неустроенность. В библиотеке Мила на какое-то время успокоилась, а теперь опять ходит нервная. Может и правильно, бросать надо эту богадельню. Тетки ей начали капать на мозги, что никому она больше не нужна – молодая, неопытная, да в кризис.

- Да, сами такого добились, тушите свет! – отвечал на это Лева.

Почему, почему людям так нравится обламывать другим крылья? Так много знающих как жить, так мало счастливо живущих…

Надышавшись лесом, он вернулся к замку. Иринка щеголяла уже в другой Милиной юбке и в таком готишном топе, который открывал слишком много ее пышной груди.

- Мать, ты куда это все пристроить собираешься? Не в «Плейбой» часом?

- Есть у меня задумка – надо профессиональные фотки сделать, будто я готишная модель со стажем и опытом.

Господи, очередной конкурс и погоня за миражами! Нарядам, казалось, не будет числа.

- У него жена верующая, у нее много длинных юбок, - зачем-то пояснила Вадиму Ира, хватая мешок и убегая в лес.

Вадим хмыкнул и, сорвав травинку, зажевал стебелек.

- И как тебе с верующей живется?

- Хорошо, - Лева растерялся.

- А я вот пытаюсь одну околпачить. Тоже верующая, в храме поет.

- То есть как околпачить?

- Ну, приволокнуться, - Вадим ухмыльнулся, - товарищ сомневается, что мне удастся. Сам на одну запал, а она ни в какую, вот и поспорил со мной, что такую девчонку я не уломаю. А я уверен, что это дело времени и техники. Все бабы одинаковы.

- Дюже ты молод для циника.

- Хочешь и с тобой спорнём? – оживился фашист.

Вернулась Ирина.

- Может, внутрь залезем, а то фасад уже защелкали?

Фотограф равнодушно кивнул и поплелся к замку.

- Мне бы ты проспорил. Жаль тебя, - сказал вдогонку Лева.

- Ладно, без нотаций.

- Тьфу, надо было сначала влезть, а потом рядиться! - минуту спустя послышался вопль сестры.

№10

Вадим пригласил Дашу на день рождения одного из многочисленных друзей. Соберется много народу и в незнакомом районе.

- Посмотришь на чокнутых неформалов, - посулил кавалер.

Чего я там не видела? – подумала девушка. Бухло и разговоры матом?

Благоразумие советовало отказаться. Но с другой стороны, почему бы и нет? Если не понравится, всегда можно вызвать такси и

уехать. Если приглашает – значит, в качестве возлюбленной. Почти официально!

Родителям и сестре, разумеется, ничего не сказала. Наряжаться не стала – в конце концов, она знать не знает именинника и ему, похоже, безразлично, кто она.

Условились встретиться с Вадимом на вокзале. Едва Даша выпрыгнула из маршрутки, тут же угодила в объятья ухажера.

- Лапуль, ты чудесно выглядишь!

Он поцеловал ее в щеку и перехватил сумку. Потащил на другую сторону и стал ловить маршрутку, что-то говоря в самое ухо. От его улыбчивого шепота и горячего дыхания Даша потеряла контакт с реальностью. Всю дорогу Вадим обнимал ее и держал за руку. За окном проносились деревья и трассы.

- Слушай, неужели это такая глушь? – спохватилась Даша.

- Не такая уж. Поселок, конечно, огромный, но некомпактный. Добираться долго.

Ехали битый час, но пришлось еще идти пешком. Вадим прижимал Дашу к себе и о чем-то мурлыкал так, что девушка позволила себя вести, не потрудившись запомнить дорогу.

- А подарок-то есть? – встрепенулась она.

- Зайдем в магазин, купим чего-нибудь к столу.

Еще несколько дорожек и поворотов, и Даша с Вадимом уперлись в железные ворота одного из домов. Вадим набрал номер владельца и тот, не отвечая, сбросил звонок. Ворота открылись. Только по ту сторону Даша начала приходить в себя. Она ведь адреса не спросила, и вряд ли ей встретятся знакомые.

Хозяин оказался парнишкой лет двадцати двух, высоким, худым и кудрявым. Пожал руку Вадиму, поздоровался с Дашей, не поинтересовавшись, как ее зовут, и жестом пригласил гостей вглубь сада.

Народу много. Вадим почти всех знал и на время приветствий оставил Дашу. Она огляделась, непроизвольно отмечая, много ли девушек. Почти при каждом парне имеется. Наверное, поэтому Вадим и притащил ее сюда. Внутренний голос или интуиция, а быть может, ангел-хранитель подсказывали держаться от него подальше. Но с другой стороны так надоело искать во всем подвоха! Ей семнадцать,

другие живут и влюбляются, чуть ли ни женятся, а она всего боится, прикрываясь благочестием.

- Лапуль, скучаешь? – рука Вадима опять оказалась на Дашиной талии и скользнула чуть ниже. - Не волнуйся, я тебя больше не брошу. Поздоровался с ребятами, многих давно не видел. Пойдем, познакомлю тебя с Вовкой.

У Даши не было желания с кем-то знакомиться, но она вежливо улыбалась и кивала. Как-то поддерживала разговор, хотя не понимала, о чем говорят. Мата много и это коробит. Даже от девушек. Она, было, хотела сказать Вадиму, что через пару часов ей придется его покинуть, но он опять куда-то исчез и с кем-то заболтался. Вернулся с фужером вина.

- Красное – нормально? Легкое совсем, выпьем за здоровье именинника.

Себе взял покрепче – маленькая стопочка с чем-то приятно-коричневого цвета.

Даша пригубила вино. Оно оказалось действительно легким. После нескольких глотков в голове зашумело – она толком ничего не ела от волнения. Шашлык еще не дожарился.

- Костян, хоть что-нибудь на закусь дай! – гаркнул кто-то.

- Овощи вон на пне, колбаса, - ответил именинник.

Даша зацепила пару ломтиков буженины и съела банан. Перебросилась парой слов с пухленькой девушкой, которая назвалась Юлей.

- Давно Вадима знаешь?

- Нет.

- А я года полтора. В одном институте учимся.

Девушка выглядела совсем ребенком – валимо, из-за пухлости. Мало кто догадывался, что тонкая, высокая и серьезная Даша еще школьница. Ей бы дома сидеть, к экзаменам готовиться…

Юля без лишних слов протянула ей стопку с коричневой жидкостью.

- Попробуй, коньячок недурен. Обычно такое пойло приходится глотать!

По пищеводу как ершиком провели, но Даша не выдала себя. Коньяк она пробовала лишь однажды, и особых восторгов он не вызвал. Однако подействовал мгновенно. Когда появился Вадим, она

сама готова была повиснуть на нем и не отпускать. Такая реакция его, разумеется, порадовала. Еще минут через десять музыка показалась неплохой, разговоры увлекли, и люди стали куда приветливее. Когда подоспел шашлык, и вовсе праздник начался. Прелести жареного мяса Даша никогда не понимала – возможно, тут дело в тусовке, в сборах на природе, в общении или в самом факте наличия всего вышеперечисленного. Что до мяса, оно всегда казалось ей жестким, есть с шампура неудобно и порции слишком большие.

Когда музыка надоела, принесли гитару, нашлись и солисты, и хористы.

- Лапуль, сразу их, чтоб знали! – предложил Вадим.

Даша удивилась, как тяжело даются ей объяснения: язык не слушался и ворочался медленно, слова выползали вялыми и неубедительными, хотя импровизировать не пришлось – все это она объясняла себе не раз. Мирских песен она не поет, голос ее звучит только в храме и только для Бога. Со временем она вовсе разучилась петь мирское. Раньше запоминала мелодию, услышав раз, а теперь стала фальшивить, терять линию, путать слова даже в любимых песнях.

- И нечего на это отвлекаться, - говорила одна из певчих, работавшая руководителем хора в институте, - у меня есть такие ребята: раз попробовали духовное спеть – светское больше не хотят и не получается у них.

Вадим сделал вид, что понял и настаивать не стал.

- Но как тебе, должно быть, противно слушать это блеяние! – посочувствовал он.

Даша так захмелела, что ее все веселило, а на фальшь она почти не обращала внимания.

Они отсели от общей кучи в сторонку, на поваленное бревно.

- Расскажи мне еще про хор, что-нибудь интересное… я же такой далекий от всего этого! – он притянул ее к себе и поцеловал в шею.

Даша вздрогнула.

- Не нравится? Ладно, не буду.

Она что-то промямлила то ли в оправдание, то ли в извинение.

- Хочешь, в дом пойдем? У Костяна лицензионные диски – сборники баллад, под которые только и танцевать. Авторские компиляции, не пиратство какое-нибудь!

И Даша повелась. По старой памяти она любила диски – даже запах новенького буклета. Покупаешь диск и несешь домой, а там словно приступаешь к таинству. Вкушаешь чужое творчество. Выделяешь для этого время и одиночество. Лучше эти моменты ни с кем не делить – потом можно позвонить подруге, но когда сама наслушаешься, начитаешься и сформулируешь мнение о пластинке. Жаль, это время ушло, и музыку глотают не вслушиваясь и извергают не переварив.

Однако насладиться чужим творчеством Даше не позволили.

- Иди сюда, лапуль, помедетировать и дома можно, - Вадим протянул ей руку и поволок танцевать.

Топчемся на месте и слегка поворачиваемся.

- Помнишь, как у Артема тогда? Классно было…

Смутьян, мятежник. Лучше бы Константин, - вспомнились слова сестры. Даша улыбнулась своим мыслям. По иронии судьбы именинника нарекли таким «постоянными» именем.

- Над чем смеешься?

- Да так… действительно было хорошо.

Что-то в этом есть пьянящее, гипнотическое. Уже не вино кружит голову, а само чувство.

- .А может быть и лучше… Дашуль, ты мне так нравишься…

Она не успела ответить – Вадим заткнул рот поцелуем. Колени задрожали, и голова закружилась сильнее.

№11

На курсах последнее занятие. Зачет, к которому подготовиться было некогда и не очень-то хотелось. После Мила пошла на тренировку пешком. Погода отличная. Идти пришлось быстро, а путь почти три километра. Какое наслаждение после такого променада растянуться на коврике и потянуть каждую мышцу! Не то, что намерзнувшись на работе зимой, буквально заставлять себя дрожащую, ленивую и деревянную куда-то тащиться.

Около семи вечера Мила ехала домой. В маршрутке продумывала, куда зайти, что купить и что состряпать на ужин, если

Лева этим еще не занялся. Он любит готовить, и когда время позволяло, проявлял куда больше фантазии и кулинарного таланта, чем жена. Легок на помине – уже три пропущенных вызова!

- Мил, твоя мама звонила, Дашку ищет. Я сказал, что вы, наверное, по магазинам шастаете…

Замечательно. Перезванивать маме не было никакого желания. Дашин мобильный не отвечает. Валиного номера у Милы не оказалось, но решила, что напишет ей в соцсети, когда вернется домой.

Вернулась она, забыв про магазины и ужин.

- Лёв, Иришка не прислала фотки с замком? – ворвавшись в квартиру, спросила мужа.

- Не знаю, - Лева показался из кухни, - проверь почту. Что стряслось?

Включая компьютер, Мила рассказывала супругу о том, что ее охаживает некто по имени Вадим. Вадимов все-таки меньше, чем Андреев – вдруг это тот самый, который ездил с Левой в замок?

- Хотя, что эти фотки дадут? Я же его не видела…

Фотки в Левином ящике. Снимок с Вадимом оказался в числе последних и долго грузился. Валька! Она-то должна его помнить, видела же! Благо, подруга сестры онлайн. Мила спросила, не с ней ли Даша, а когда та ответила отрицательно, отправила ей фотку Вадима.

- Скажи, не с этим типом она познакомилась на дне рождения вашего одноклассника? – со скоростью света набила сообщение.

Через несколько секунд пришел ответ:

- Да, с ним. Что-нибудь случилось?

- Пока не знаю. Если Даши нигде нет, наверное, она с ним.

От Вали поступила череда вопросов и восклицаний, предположений, что это на благоразумную Дашу не похоже и вообще не шибко-то он ей нравился, волноваться не о чем.

- Дай-то Бог, - произнесла Мила, вставая из-за компьютера.

- Но я могу позвонить Артему и попросить его связаться с Вадимом, - сообразила Валя.

Если бы не пари Вадима с каким-то его приятелем, за Дашу можно было бы не волноваться. Но кто знает, что на кону? Может, этот парень в лепешку расшибется? А сестра такая молодая, чистая и несведущая в подобных вещах…

* * *

Несколько баллад Даша буквально висела на подвыпившем кавалере и отключилась от времени. Страхи отступили, и нахлынуло простое счастье.

- Пойдем наверх. Там никого нет.

Ответить Даша опять не смогла, но попыталась отстраниться от Вадима, упираясь руками в его плечи. Тот не выпускал. Даша пришла в себя, очнулась.

- Вадь, лучше выйти на воздух.

- Не волнуйся, нас никто не потерял. Никто и не заметил.

- Пойдем, съедим чего-нибудь.

Аппетит окончательно пропал, но Даша заставила себя что-то проглотить. Вадим заговорил с кем-то, и по его интонации невозможно было понять, что он нетрезв.

- Жень, хватит нажираться! – послышался голос Юли.

Ее тощий парень в кепке сидел на горе досок у сарая и ничего не отвечал.

- Мне здесь уже неинтересно, вы только между собой общаетесь!

- Спокойно, Джули, - Вадим оказался рядом и приобнял знакомую на талию, - если бы ты ни была Жениной девушкой, я бы за тобой… поухаживал!

Даша сделала вид, что не слышит, но тут же вспомнила все, что ее в Вадиме раздражало. Вот липучка! Знает она, что он из себя представляет, просто наваждение какое-то. На пне стояла чья-то стопка с коньяком. Что ж, обезболивающее, пока никто не видит. Она же девушка приличная! Ее как будто и нет, эти двое даже не замечают! Ему только Женя мешает, а про Дашу можно забыть…

- Оййй, - Юля брезгливо отодвинулась от Вадима и опять пристала к своему кавалеру, - пошли, горе мое! Мне с этим пьяным телом еще и спать!

Когда Вадим подошел к Даше, она сказала, что обещала родителям не задерживаться. Надо было пожестче – пора домой и все. Но не хотелось этого апломба, гордых сцен, обнажающих оскорбленную добродетель. Хотя, притащил ее сюда в качестве своей девушки, и вдруг – Джули!

- Не откажи мне в паре танцев. Пожаааалуйста! Всего две песни!

Даша и не заметила, как оказалась в незнакомой комнате Костиного дома, и очнулась лишь, когда в двери повернулся ключ. Стерео не было и в помине.

- И под какую музыку ты собрался танцевать? – оглядываясь в поисках магнитолы, спросила Даша ровным голосом, удивляясь себе.

- Лапуль, давай полежим, я устал…

Даша хотела вырваться из его лап и отвесить пощечину, но вместо этого откликнулась:

- Иди, ложись.

Он без лишних слов поплелся к дивану. Даша стояла посреди комнаты и лихорадочно соображала, что делать. Взглянула на дверь – ключа нет в скважине. Значит, Вадим сунул его в карман. Или спрятал?

- Дашуль, иди ко мне.

Лежит на спине, прикрыв глаза. Только Даша села рядом, хотел сграбастать ее и повалить, но она удержалась. Наклонилась к нему и погладила по волосам. Что-то бормотала как ребенку, который не желает угомониться и уснуть. Мимолетная злость из-за «Жениной девушки» прошла, но Даша отчаянно не позволяла себе расслабляться. Вдруг он пьяный агрессивный, и ее сопротивление или испуг только раззадорят его? С Божией помощью она отсюда выберется, но пока не представляет как. Глупость-то ее, а вызволять должен Господь, как всегда…

Когда Вадим уснул, Дарья не решалась порадоваться собственной хитрости. Радоваться будет, когда окажется дома, с нормальными людьми, а до этого еще далеко. Господи, неужто все это происходит с ней? куда ее занесло, с кем? Даже зрение как сквозь пелену – то ли от усталости, то ли от алкоголя.

Сразу видно, в кармане рубашки ключа нет. Значит, в джинсах. Очень удобно, ничего не скажешь. Если проснется, еще не так поймет… Даша огляделась в поисках тяжелых предметов, которыми можно огреть по голове, на случай новых приставаний. Комедия чуть не переросла в эротический триллер, а теперь недалеко и до криминальной драмы!

Даша аккуратно запустила руку в правый карман – ничего. В левом ключ предательски звякнул. Вадим шумно засопел и вдохнул

так, словно давно этого не делал. Даша замерла, как разведчик перед фашистским складом. Обошлось. Буквально по сантиметру вытянув ключ из кармана, она прокралась к двери. Хоть бы оказался тот! Вдруг это от его квартиры? Вот будет номер! Руки тряслись, пока пыталась засунуть ключ в скважину. Подошел. Господь милостив к дуракам и пьяным.

Выбежав в сад, Даша стала разыскивать именинника.

- Кость, какой у тебя адрес? Мне нужно вызвать такси.

- А Вадим что?

- Он пока не собирается уходить, а мне пора.

Костя растеряно назвал адрес, и Даша отошла искать свою сумку. Куда же Вадим ее бросил?

- А где он вообще-то? – активизировался хозяин.

- В доме, - как можно небрежней ответила девушка.

Сумка валялась у сарая. Одиннадцать пропущенных вызовов от мамы и Милы! Господи, они ее изничтожат! Такси обещали минут через двадцать, ехать далеко. Однако Даша не хотела дожидаться его здесь – чего доброго проснется Вадим, напоет что-нибудь Косте, и тот не откроет ворота. Угрюмый именинник не внушал доверия. Даша начала читать молитвы, притопывая от нетерпения. Надо положиться на Бога и не дергаться. Если бы раньше об этом вспомнила, могла бы вовсе не оказаться в такой ситуации. Хотя, ничего плохого и не произошло…

Звонок телефона заставил вздрогнуть. Такси.

- А с Вадиком не будешь прощаться? – спросил Костя.

- Нет, мы уже.

- Поругались что ли?

- Нет, попрощались! – Даша искренне рассмеялась и впервые за вечер увидела Костину улыбку.

- Ну ладно, счастливо, - он открыл ворота и вышел вместе с гостьей.

Зачем только она приехала сюда? Переламывать страх? Доказать себе, что интуиция врет? Вдохнуть этой простой жизни и еще раз попробовать быть как все? Почему ей невесело, когда другие смеются? Именно поэтому она стала избегать празднеств – опустошают они, только приглядываешься и прячешь скуку, пытаясь изобразить энтузиазм, которого не ощущаешь. А тут еще и компания

заведомо «не ее». Не то, что у Артема тогда, по словам Вадима – интеллигентная публика, красивые девушки и хорошая музыка. Тьфу!

Едва села в машину и перекрестилась, почувствовав себя в безопасности, запилюкал телефон.

- Даш, ты где? – встревоженный голос сестры. – Уже почти девять, а от тебя ни слуху, ни духу!

- Слава Богу, еду домой!

- Откуда? Мама спрашивала, когда ты явишься, у меня хватило ума не говорить, что ты не со мной. Что ты замутила? Предупредить нельзя было?

- Мил, можно я приеду к тебе? По телефону долго объяснять.

№12

Спустя полчаса Даша сидела на кухне сестры и рассказывала о своих путешествиях.

- Оставайся-ка ты у нас, - предложил Лева, - маме позвони, скажи, что переночуешь.

Мила поддержала. Даша с радостью согласилась - домой не тянуло. И не столько потому, что от мамы нелегко будет скрыть еще не схлынувшее волнение, а потому что не хотелось метаться в собственной комнате.

- Даш, этот парень… - начал было Лева, но осекся, поймав странный взгляд жены.

- Просто не твой человек, - продолжила Мила, - для него девушки вроде забавы. А такие как ты – особенно.

- Я понимаю. И в общем-то всегда понимала. В какой-то момент стало интересно, что все так с этой любовью носятся.

- С любовью еще успеешь поноситься, она того стоит! – рассмеялся зять.

- А это… увлечение… даже времени твоего не заслуживает. К тому же, мы теперь не такие как все, и спрос с нас больше.

Часов в десять Мила и Лева куда-то намылились – не то в ресторан, не то в кино. Празднуют Милин зачет и начало лета. Звали Дашу с собой, но она отказалась. Хватит на сегодня праздников. Хотелось побыть одной и отвлечься. Как совместить пока не знала, но надеялась на сообразительность.

Едва закрыв за парочкой дверь, Даша кинулась к шкафу сестры. Ей иногда нравилось примерять вещи Милы, но зачастую они были ей малы и сидели так, что заставляли чувствовать себя уродиной. Сейчас же просто до ужаса хотелось стащить себя опостылевшие шмотки, словно сбросить все напряжение и глупость этого дня. Казалось, в одежду и в волосы въелся запах дыма, сигарет, Вадиминого одеколона и душных желаний. Прежде чем переоблачаться, хорошо быть душ принять... а вещи сунуть в стиральную машину.

Даша прогарцевала в гостиную и включила музыку. Запела Тори Эймос. Мила говорила, что с недавних пор эта рыженькая, невзрачная пианистка ей очень нравится. Красивый голос, тонкие аранжировки.

- Понимаю, тебе «Арию» давай! А мне захотелось чего-то более изящного, артистичного и интимного что ли…

Помывшись, Даша влезла в белые джинсы и голубую футболку Милы. Застегивать штаны пришлось лежа, но в целом… красотка! Откуда было Даше знать, что через несколько лет ей надоест бесформенная роба, и она полюбит яркие цвета? Откуда было знать, как быстро подростковая угловатость сменяются изяществом и женственностью? Но глядя на себя нарядную и светлую, верилось в хорошее. Если б научиться ходить на каблуках не как парализованный кузнечик, а красиво и легко! Каблуки, видимо, для того и нужны, чтоб обеспечить крепкое мужское плечо. В противном случае в комплекте должен продаваться посох.

Вспомнив любовь сестры к дорогим духам, Даша решила поднять себе настроение окончательно. Ветка сакуры на коробке. Аромат оказался тонким и изысканным. Какой взрослой и красивой она себя чувствовала! Раньше возмущала манера девчонок строить из себя барби. Но стоило кому-то разглядеть в ней девушку, раздражение сменилось желанием вникнуть в эти секреты.

Мила, что называется, настоящая леди. Никогда не повышает голос, никогда не срывает зло на других. Она во всем знала меру и прекрасно чувствовала время. Умела быть внимательной даже к незнакомым и не забывала, когда у кого день рождения. Впрочем, они все такие. Что же в Миле такого особенного, чего нет в Даше? Почему о ней так не говорят? Она ведь тоже не умеет качать права, огрызаться, спорить, расталкивать людей локтями, пытаясь пролезть в автобус, горланить в очереди. Это не подвиг, а безразличие к мелочам

и внимание к душевному равновесию. Неприятие наглости и нежелание отвечать на нее тем же. Однако в нашем мире эти качества столь непопулярны, что вызывают скорее нарекания, чем восхищение.

- Какая ты скромная! – говорил Вадим, когда она не позволила ему ничего себе покупать. Звучало как комплимент. Скорее всего, он к такому не привык. И он не обращал повышенного внимания на ее немногословность. Сказал, ничего страшного – у него есть друзья, с которыми комфортно молчать. Он, вероятно, куда более эмоциональный и чуткий человек, чем позволял себе быть…

Миле повезло: нашелся человек способный оценить это, а не попрекающий и желающий ее переделать. Лева за нее всех перегрызет, если нужно, зачем ей ломать себя? А что делать Даше, если не встретит такого человека?

Ничего, - буркнул рассудок, - тебе только семнадцать. И делать тут нечего – ты верующая, а не хамка трамвайная.

Опять накатило уныние. Вспоминалось самое хорошее и так обидно оттого, что ни в чем не было смысла, все лишь иллюзия, самообман. Жить воспоминаниями отчаянно не хотелось. Думать о нем плохо – тоже.

Мила с Левой – пример другого мира, образец возможного счастья, воплощение чего-то иного. С ними можно разговаривать, их можно потрогать – и никто не обвинит ее в сочинении сказок о счастливой любви и православной семье. Они есть, и она их видит. Реальные люди, а не отвлеченное понятие.

№13

Мила до головной боли слушала, как Татьяна Владимировна сходила на свидание накануне. Если кратко – из двух часов разговора полтора про пиво. Но в целом неплох. Много зарабатывает и не пьет крепких напитков.

- Ну чем мужику еще заняться? – заунывно встряла тетя Лена, - женщина может готовить, стирать и убирать, а этим после работы только пиво пить и телевизор смотреть.

Раньше Мила часто сидела в наушниках. Тетя Лена в любом случае докричится до нее, а больше тут слушать нечего. Жаль, что оставила плеер на трюмо, идти лень.

Никто не умеет ни жить, ни любить, ни общаться. А она сидит здесь и никак не помогает человечеству! Только позволяет промывать себе мозги таким же неучам.

После той приснопамятной субботы Мила с Дашей завели разговор с родителями о регентских курсах. Мама восприняла идею с энтузиазмом, а папа настаивал на высшем образовании, потом уж иди куда хочешь. Для папы это статус – отношение к человеку. Дашу раздражала игра на публику. Мила никогда не задумывалась об этом, но припомнив, согласилась, что у отца эта манера есть. Хотя папа не был таким уж безобидным и не жил по принципу «как бы кого не задеть».

- Вышка никуда не убежит, пап. Первое образование и до тридцати пяти будет бесплатным, - отвечала Даша, - а вот дело по душе – намного больше. Я могу перегореть или вообще не найти времени на это. Всему придется учиться заново.

Что оставалось родителям? В сентябре Даша поедет в Москву. Мила рада – подальше от этой любви дурацкой. Отвлечется, займется делом. Если тут выстояла - и в столице сдюжит, хоть и нелегко придется в водовороте страстей. Дашка сильная и благоразумная. Мила никогда не чувствовала себя старше и умнее, но приходилось делать вид. Дашка, будучи более приспособленной к жизни, пыталась чему-то у нее научиться, живо интересовалась всем, что с Милой происходило в институте. Росла сестренка более самостоятельной, чем Мила под крылом бабушки. В десять лет Даша мыла горы посуды, разогревая воду в большой кастрюле, если не было горячей воды. Жарила себе яичницу и разогревала все, что угодно. А теперь вот едет в столицу, одна…

Сестра вновь стала для Милы примером. Сама того не ведая, встряхнула ее, шлепнула по самому больному и привела в чувство. Она тверже и конкретнее. Четко знает, где Бог, где порог, который не надо переступать.

Разные бродили в голове мысли и бурные кипели страсти – не великим постом, а много позже Пасхи. Вдруг захотелось жить – работать, творить, быть полезной себе и людям. Она же хоронит себя заживо в домохозяйственной рутине и в провинциальной библиотеке! Тщетно пытается быть достойной мужа - прекрасного человека, чьи интересы не сводятся к пиву и телевизору, и рядом с которым она

чувствует себя маленькой девочкой. Подвернулся баламут Лихоманов, который действительно много сделал для нее и на многое смотивировал. С другом противоположного пола легко обсудить то, что не скажешь любимому мужчине. Со временем Мила поняла, что ее интерес к Николаю выходит за рамки дружеского. С ним можно быть самой собой, они одного возраста, из одного детства, со схожим жизненным опытом.

Они виделись сначала только на курсах. Потом стали прогуливаться после занятий. Порой вместо тренировок, хотя Мила исправно таскала с собой рюкзак, чтобы у Левы не возникало вопросов. Их и не возникало, словно Мила к нему цепью прикована и никуда не денется. Он уверен, что ему ведом каждый ее шаг, что она даже не посмотрит в сторону. С ее надуманными глюками разобрались еще в начале поста. Новая жизнь, обновление, покаяние? Увы, не всегда. Иногда лишь таяние снега и возвращение птиц. По крайней мере, для Левы. Мотосезон куда важнее Пасхи. А жена у печки – удобно. Молодая и симпатичная, с образованием – не стыдно друзьям показать. Он обеими руками за карьеру, учебу и прочее баловство, но в глубине души ему это безразлично. Хочешь выговориться – скажи мужу, все равно не слушает…

Николай же воспринимал ее всерьез. Он искренне пытался втянуть Милу в жизнь. Если она устроится на работу по его протекции, ее это нисколько не волнует. Он слушал ее жалобы на мужа. Такое подругам не расскажешь – сама выбрала, кто виноват? Еще припомнят вдогонку, что всегда считали их нелучшей парой. Маме тем более не доверишься. С жиру бесишься – не пьет, не бьет и вокруг дома не гоняет, что еще надо? Успокоился он, видишь ли! Огонь каждую ночь только у пожарных.

В одну из таких тягостных минут подруга скинула Миле статью про семейную жизнь. Оказывается многие прошли через это – влюблялись, будучи в браке. Справились с собой, семьи сохранили. Стало легче. Порой узнать, что ты не один – много. Разве можно считать, что она выскочила замуж за первого встречного, решив, что недостойна ничего и никого лучше? Наоборот, Мила оказалась не готовой к такому подарку. Столько свалилось сразу, плюс придавившие стереотипы «какой должна быть жена», которые сама придумала, глядя на идеальную маму и наслушавшись рассуждений

подруги. Мила не справлялась. При встрече с подругами возникало ощущение, что она украла чужое счастье, присвоила то, что ей не предназначено, в то время как другие об этом мечтали.

* * *

В последнюю неделю на старом рабочем месте Лихоманов приехал в библиотеку. Они ушли в хранилище, закрыв за собой тяжелую противопожарную дверь. Татьяна уткнулась в компьютер, а тети Лены не было. Миле безразлично, кто что подумает и о чем спросит – завтра ее здесь не будет.

В хранилище кабинет, который начальница превратила в кладовку: там, вероятно, половина ее гардероба на все случаи жизни, там подаренные читателями, неоформленные или списанные книги. В шкафчике не только столовые приборы, чай и кофе, но и чистящие средства, аптечка, косметика и фотоаппарат. Мила уже забрала свои кеды и валенки. Осталось захватить теплый кардиган и кружку.

Мила жестом пригласила гостя сесть на один из стульев, завешанных флисовыми кофтами и синтепоновыми жилетками.

- Чаю хочешь?

Вода в дефиците. Мила носила с собой термокружку с чаем. На весь день, конечно, не хватало, но хоть в чем-то не обделять своих теток.

- Нет, спасибо. Как с работой? Ездила на собеседование?

- Да, все хорошо. Пока не звонили, но отсюда я ухожу.

- И правильно! Если б хоть центральная была, а то деревня глухая.

Раньше ей нравилось. Спрятаться от всех, и тихое безмолвное житие…

- Сама позвони им.

- Коль, наверное, ни к чему пока, - Мила так и не села, подпирала собой притолоку.

- Почему? Неужто муж против?

- Я жду ребенка. Отработаю пять месяцев и декрет? А претензии будут почти наверняка.

- Аааа, вот оно что, - собеседник опустил глаза, - хотя, может и не будет. Ты могла не знать, когда устраивалась.

- И не знала.

- Так и не парься! А потом из декрета куда? Все с чистого листа? Перегоришь, погрязнешь…

Молчание. Она уже почти превратилась в скучную домохозяйку, живущую интересами мужа и кулинарией.

- Но если что, у меня есть идея. Я тебя не забуду годы спустя, не волнуйся.

Мила из вежливости осведомилась, что за идея. Больше ее занимало, в каком смысле Николай ее не забудет.

\- Хочу придумать что-нибудь для детей-инвалидов. У нас туго с этим. Какие-то клубы, спортивные площадки. Помогать им должны здоровые. Ужасно, что они сидят в бетонных коробках, будто жизнь не для них. Специалист по дефектологии мне бы пригодился.

- Здорово, - Мила грустно вздохнула, - прекрасная идея. Бог даст, все у тебя получится. Можешь на меня рассчитывать в любом случае.

- Тем более, когда сама станешь мамой, лучше поймешь детей…

Она кивнула. Больше и нечего сказать друг другу.

Мила вышла проводить Лихоманова на крыльцо. За пределами этого склепа, который чуть меньше года был ее рабочим местом, заливались птицы, и ослепляло жаркое летнее солнце. Мила раньше любила выходить погреться, устроив себе перерыв. Любила бродить по хранилищу, когда уставала горбиться над бумагами или слушать разговоры коллег. Любила оставаться одна, когда Татьяна уезжала домой раньше, а тетя Лена брала женский день. Здесь хороший интернет и можно общаться с подругами и смотреть видео.

Любила ли? Или внушала себе? Будет ли вспомнить с ностальгией – время покажет. А без него и о любви ничего не поймешь.

А всякие забавные истории – даже за столь короткое время так много, не упомнишь! Кому-то нужен ЧехОв и Ушинский (ударение на первый слог), кому-то «Шанель» Гоголя, а кто-то оставлял в коридоре книги, взятые из чужой библиотеки, потому что лень туда нести…

- Поздравляю тебя, - сказал на прощанье Коля, - всего вам превсего!

- Спасибо. И тебе.

- Сестре привет. Муж твой, конечно, зря мордобой устроил, Вадик ничего плохого не сделал бы. В любом случае, проспорил бы мне.

Мила смотрела ему вслед, открыв рот. А он удалялся – тонкий и звонкий, нарядный и цивильный.

Однако сколько интересного происходит вокруг, пока в собственной душе закапываешься! В ее мире, с близкими людьми…

2014-2017
Фото автора
Модель: Наталья Топал